

М. С. КАГАН,

действительный член Академии гуманитарных наук, доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета и Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

СКОЛЬКО ЖЕ РОССИИ В РОССИИ?

В последнее время особую остроту приобрела проблема “столица — провинция”. Многие политики и публицисты стали утверждать, что “Россия — не Москва”, что существует у нас глубокий раскол между столицей и провинцией и для его преодоления нужно либо вернуться к “добрым старым временам”, когда не только российская провинция, но и весь Советский Союз строил свою жизнь по единой московской модели, либо, на худой конец, раз уж Союз не вернуть, нужно перенести столицу из Москвы в какой-нибудь истинно русский провинциальный город, сохраняющий преданность если не идеям “православия, самодержавия, народности”, то хотя бы сталинской модификации. Если иметь в виду самый общий план рассмотрения данной социально-организационной проблемы, то следует исходить из того, что развитие всякой сложной и сверхсложной системы — природной, социальной, культурной — зависит от относительно уравновешенного действия двух сил: той, которая выражает общие интересы системы как целого, и той, которая выражает частные интересы каждой ее подсистемы в том случае, когда абсолютизируются интересы частей целого в ущерб его целостности, а система распадается, саморазрушается.

Проблема “столица — провинция” имеет не только политически-правовое содержание, но и культурное.

Если с юридической точки зрения правомерно говорить о “двух Россиях” — столичной и провинциальной, то культуролог не может не видеть того, что в нашей стране различаются четыре “культурных слоя”, образно говоря, “четыре России”. “Верхний” слой отечественной культуры — столичный; ниже лежащий ее слой — крупных провинциальных центров, промышленных, университетских, театральных городов; следующий слой — провинциальная культура в небольших, районного и поселкового масштаба, городах и поселках городского типа; наконец, “нижний” ее, “почвенный” слой — культура российской деревни.

Начну с рассмотрения особенностей столичного слоя нашей культуры. На протяжении последних трех столетий Россия, имея, как всякое нормальное государство, одну политическую столицу, обрела две культурные столицы.

В этом “культурном бицентризме”, принимавшем иногда форму жестокой конфронтации, а иногда — форму живого диалога, и протекало развитие всех областей отечественной культуры вплоть до 30-х годов нашего века, когда сталинизм, а затем и действия наследников “Великого Вождя” превращали Ленинград в “великий город с областной судьбой”, то есть в лишенный какого-либо своеобразия придаток советской столицы.

Россия вступила на путь европеизации в XVIII веке благодаря открытому Петром в новой столице “окну в Европу”; после принятия христианства на Руси это был второй радикальный шаг, вторая “культурная революция”, говоря современным языком, или “революция сверху”, по формуле Н. Эйдельмана, включавшая нашу страну в европейскую цивилизацию. Уже в скатерининское время отличие того, как это происходило в “российской Европеи” — Петербурге и долгое время сопротивлявшейся этому традиционалистской Москве, состояло лишь в мере, в пропорции, в конкретном соотношении православной традиционности и европейского просветительства. По-разному протекал этот процесс в старых и новых городах России, в ориентированных промышленно и в живших торговлей плодами земледелия”, поэтому в большей или меньшей степени связанных с деревенским окружением, но разворачивался он на всем гигантском российском пространстве,

сделав формировавшуюся в его городах культуру своеобразной модификацией европейской культуры, а не мифическим “евразийским” гибридом, и европейской не только в западной части российского пространства, но и за тем обелиском, который на уральском хребте символически отделяет Европу от Азии.

Характер второго слоя российской культуры также зависит от этой уникальной ситуации — наличия в стране двух духовных столиц и их сложных взаимоотношений. “Сферы влияния” Москвы и Петербурга на провинцию различны: Петербург—Ленинград связан преимущественно с Уралом-Сибирским регионом страны, а Москва — с Поволжьем и Черноземьем.

Если в России, как и в любой другой цивилизованной стране, крупный город имеет инвариантную и устойчивую структуру (при всех качественных и пропорциональных вариациях разных сторон его производственного и культурного бытия), то маленький город, особенно в России, пространства которой делают неизвестной европейским странам дистанцию между большими и малыми городами, оказывается самостоятельным культурным феноменом, представляющим особый слой российской культуры. Особенность его состоит в том, что нет в этих городах таких культуротворческих сил, какими обладает город областного, краевого, республиканского масштаба: нет в нем высших учебных заведений, нет театра, филармонии, музея, крупной библиотеки. Его духовная жизнь основана не на созидании, а на созерцании того, что создается вовне, то есть на усвоении уже имеющихся в стране ценностей культуры, которое происходит в школе, кинотеатре и дома, благодаря телевидению и радиотрансляции, газетам и журналам, чтению книг из скромного по объемам библиотечного фонда. Дом культуры, клуб, чаще всего плохо работающий, да редкие кружки школьной самодеятельности — вот узкое поле проявления культуротворческой энергии горожан. Закономерен отток молодежи из таких городков и порождаемая этим радикально иная, чем в больших городах, демографическая ситуация — иное соотношение молодежи и пожилых людей, а значит, иной психологический климат, определяющийся соотношением созерцательности и творческой активности, традиционализма и потребности обновления унаследованных форм жизни. Здесь господствует и иной ритм жизни, отличающийся от динамичного ритма жизни всех больших городов, не только столичных, но и провинциальных. Наконец, здесь несравненно теснее связь с сельским окружением, чем в крупных городах, что имеет особенно большое культурное значение в нашей стране, поскольку и в конце XX века она остается в несравненно большей степени крестьянской страной, чем все другие европейские страны.

Культура села — четвертый специфический слой российской культуры. Хотя расхожее представление о “второй культуре” в России стирает различия между провинциальным городом и деревней, оно сохранилось, потому что малый провинциальный город теснее связан с деревней, чем крупный промышленный и культурный центр, и тем более, чем Москва и Петербург, он вбирает свои национальные духовные соки из деревни, а не порождает их и самостоятельно не воспроизводит.

Культурная самостоятельность российской деревни, самобытность ее фольклорного (в широком и точном значении этого слова означающего “народная культура”) творчества принадлежит безвозвратно ушедшему прошлому и могла бы не учитываться при характеристике современного состояния культуры, если бы здесь не сохранялись корни национального своеобразия крестьянского быта.

Нынешнее состояние нашей отечественной культуры действительно отличается от состояния культуры других народов мира. Но корни и суть этого своеобразия искать надо в реальном историческом процессе, в котором мы находимся на переходной стадии; стадия эта, как всякое переходное состояние, отличается высокой степенью структурной сложности, противоречивости и таит в себе целый пучок разных возможностей нелинейного, как называет это синергетика, развития. Нужно иметь трезвое представление о перспективе данного движения, которая и определяет “силу притяжения” настоящего будущим — действие так называемого аттрактора. Но для этого нужно исследовать действительную сложность состояния, в котором находится отечественная культура и которое определяется диалектикой ее единства и столичного бицентризма, единства и многослойной структуры, единства и национального разнообразия.